

ДЖЕЙ УИНТЕР¹, Ф.В. НИКОЛАИ²

¹ Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут, США

² Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация

МЕСТА ПАМЯТИ И ТЕНИ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются практики коммеморации и места памяти XX в., которые обладают собственным жизненным циклом. В рамках первой, креативной фазы они создаются ради конкретных целей поминовения. Затем следует период институционализации и рутинизации. Их фиксация в календаре и привязывание событий к конкретным местам могут занимать десятилетия, а могут внезапно обрываться. Чаще всего их значимость стирается с уходом тех социальных групп, которые инициировали данные практики. Места памяти действуют на нескольких уровнях, аккумулируя разные ассоциации. В античности и средневековье они могли нести семейные коннотации, но в новейшее время получить гораздо более широкий смысл, стать объектом популярных и академических дискуссий. Далее мы сосредоточимся на эпохе национальных государств, прежде всего, XIX-XX вв.

Ключевые слова: места памяти, практики коммеморации, военные мемориалы, коллективная память, политика памяти.

JAY WINTER¹, F.V.NICOLAÏ²

¹Yale University, New Haven, Connecticut, USA

²Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhni Novgorod, Russian Federation

PLACES OF MEMORY AND THE SHADOW OF WAR

Abstract. Sites of memory are topoi with a life history. They have an initial, creative phase, when they are constructed or adapted to particular commemorative purposes. Then follows a period of institutionalization and routinization of their use. Such markings of the calendar, indicating moments of remembrance at particular places, can last for decades, or they can be abruptly halted. In most instances, the significance of sites of memory fades away with the passing of the social groups which initiated the practice. Sites of memory operate on many levels of aggregation and touches many facets of associative life. While such sites were familiar in the ancient and medieval period, they have proliferated in more recent times. Consequently, the subject has attracted much academic and popular discussion. We therefore concentrate here on sites of memory in the epoch of the nation state, primarily in the nineteenth and twentieth centuries.

Keywords: sites of memory, practices of commemoration, war memorials, collective memory, politics of memory.

Места памяти – это пространства, где социальные группы включаются в публичную деятельность и выражают «коллективное знание о прошлом, на котором основано их ощущение единства и уникальности своего сообщества» [1, p. 125]. Посещая такие места, люди наследуют приписываемые событию смыслы и добавляют к ним новые. Когда социальные группы распадаются, их места памяти теряют былую силу и могут совершенно исчезнуть.

Это понятие, подробно разработанное в одноименном семитомном исследовании под редакцией Пьера Нора, сегодня широко используется в отношении самых разных текстов, от легенд и рассказов до научных концепций. В данной статье я буду использовать его в более

узком смысле – применительно к материальным памятникам, включенным в практики коммеморации. В XX в. большинство из них связано с гибелью людей на войне.

Эти места памяти обладают собственным жизненным циклом. Есть первоначальная, креативная фаза, когда они создаются ради конкретных целей поминовения. Затем следует период институционализации и рутинизации. Их фиксация в календаре и привязывание событий к конкретным местам могут занимать десятилетия, а могут внезапно обрываться. Чаще всего их значимость стирается с уходом тех социальных групп, которые инициировали данные практики.

Места памяти действуют на нескольких уровнях, аккумулируя разные ассоциации. В античности и средневековье они могли нести семейные коннотации, но в новейшее время получить гораздо более широкий смысл, стать объектом популярных и академических дискуссий. Далее мы сосредоточимся на эпохе национальных государств, прежде всего, XIX-XX вв.

В эпоху нового времени большая часть мест памяти была связана с религиозным календарем. Однако постепенно происходит замещение смыслов. В католических странах празднование окончания войны 1914-1918 гг. и посещение военных мемориалов в День Перемирия (Armistice Day) 11 ноября сближается с торжествами в День всех святых 2 ноября – в публичной памяти складывается общее полусакральное пространство. Сначала – визит на кладбище, затем – к военному мемориалу. 8 мая – день окончания Второй мировой войны в Европе и День Жанны д'Арк. Для участников коммеморативных церемоний в этот день секулярные смыслы могут замещать католические, а для кого-то – соприсутствовать в равной степени. Хотя чаще всего места, избираемые для этих праздников, не совпадают.

Акты коммеморации основаны на признании сообществом важности их морального значения. Места памяти материализуют этот смысл. Моменты национального унижения редко вспоминаются или получают материальное выражение, хотя и здесь бывают исключения. Девиз «Never again» стал устойчивой формой публичной памяти в Израиле в отношении жертв нацистских преступлений, особенно в День памяти. Руины общественных зданий в Хиросиме напоминают всем о применении первой атомной бомбы. Хотя военные или политические действия часто представляются сомнительными в моральном отношении, места памяти редко фиксируют эту противоречивость. Поэтому не находится ни даты, ни места во Франции для церемоний в память об окончании войны в Алжире, так же как о войне во Вьетнаме – в США. Эти конфликты не завершились моральным консенсусом, поэтому нет взаимопонимания и относительно того, где и как их следует помнить.

Когда японский премьер-министр посещает мемориалы павшим в войне, он отдает честь как простым солдатам, так и военным преступникам. То же самое касается президента Рональда Рейгана, посетившего немецкое кладбище в Битбурге, где покоятся останки и эсэсовцев, и тех, кто не участвовал в военных преступлениях. Тем не менее оба этих топоса – места памяти и борьбы за память.

Принципиально важно и то, что места памяти являются центральной точкой осмысления травматических событий прошлого не только для выживших, но и для родившихся позже. Слово «память» все чаще становится метафорой для модных нарративов о прошлом, когда умирают их непосредственные участники и свидетели. Места памяти неизбежно превращаются в память второго порядка – здесь люди вспоминают своих близких, переживших те или иные события.

1. Коммеморация и политическая власть

Значительная часть академической полемики о местах памяти касается проблемы их инструментального использования политическими элитами [9]. Пьер Нора подчеркивает важность пространственной локализации публичных событий для легитимности правления. Некоторые из таких событий, например День взятия Бастилии в Париже или День независимости в Филадельфии, отмечаются вне зависимости от того, кто именно находится у власти. Другие юбилеи тесно связаны с истеблишментом и сменой политических режимов. Например, 7 ноября был очень важным для СССР праздником, он символизировал

установление нового мира и победу над врагами. Парады Советской армии на Красной площади в этот день предполагали коммеморацию как физическую (телесную) гордость через демонстрацию своего места перед Кремлем, в России и во всем мире.

Такой линейный (top-down) подход предполагает важность мест памяти как материализации политической (в том числе национальной, имперской) идентичности. День высадки австралийских и новозеландских войск (как части британских экспедиционных сил) в Турции 25 апреля 1915 г. отмечается как момент рождения Австралийской нации – День АНЗАК (Anzac Day). То, что высадка была неудачной, не снижает значимости этой даты для австралийцев. Для них это день совершеннолетия нации [5]. И существует множество мест памяти о нем. Прежде всего, люди по всей Австралии приходят к военным мемориалам. Далее, существует официальная церемония у Австралийского военного мемориала в Канберре, напоминающего по своей форме собор Святой Софии в Стамбуле. На его стенах высечены имена австралийских солдат, павших в войне. Кроме того, существуют ежегодные путешествия к берегам Галлиполи, где происходила эта высадка.

Разумеется, не все места памяти и практики коммеморации связаны с войной. Дни рождения монархов или президентов отмечаются почти таким же образом. 24 мая, день рождения королевы Виктории, в Великобритании был днем Империи (Empire Day), а сейчас (с 1999 г.) празднуется как день Содружества (Commonwealth Day). Появление таких дат является частью более общего процесса «изобретения традиции», как его называют многие исследователи, – сознательного удревнения многих коммеморативных практик, осуществляемого национальными государствами и империями в конце XIX в. Расцвет и величие власти в это время были непосредственно основаны на такой фиктивной (и ложной) генеалогии. Церемонии, отсылающие к древним обычаям и укорененным в далеком прошлом обрядам, создавали эффективное прикрытие для политических инноваций в условиях нестабильности [7; 4]. Важно подчеркнуть, что эти традиции имели весьма условные привязки к конкретным местам, что подталкивало их изобретателей к гибкости формулировок.

Сегодня подобная функционалистская интерпретация коммеморативных практик все чаще ставится под сомнение. Другая линия исследований делает акцент на том потенциале, благодаря которому места памяти позволяют разным социальным группам публично оспорить свой подчиненный статус. Хотя многие политические лидеры и их представители пытаются управлять коммеморативными практиками, всегда остается значительное пространство для альтернативных интерпретаций официальной памяти. В День Перемирия 11 ноября кто-то посещает военные мемориалы и празднует победу, кто-то критикует милитаризм. В одном и том же месте пацифисты отстаивают лозунг “Never again”, тогда как военные и их сторонники используют ауру мемориалов для прославления воинской службы – обязанности граждан, если необходимо, и в будущем отдать свои жизни за родину. Подобные споры в отношении конкретных мест и дат никогда не утихнут [2; 12].

Такое понимание политического смысла мест памяти подчеркивает полифонию воспоминаний, а также потенциал их использования новыми социальными группами. С этой точки зрения, в практиках коммеморации всегда слышны разные голоса. Децентрализация памяти гарантирует наше признание специфической локальной активности. Сценарий top-down должен быть дополнен bottom-up-подходом к реконструкции прошлого в тех или иных локациях – деревнях, провинциальных городах и центрах политической власти.

Иногда такие гетерогенные голоса объединяются – возникает национальная память. Однако в этом случае нельзя указать единственное место, где бы произошло объединение лидеров и простых граждан. Примером подобной пространственной работы памяти может служить распространение ритуала двухминутного молчания 11 ноября в 11.00 в Великобритании 1919-1938 гг. На две минуты телефонисты разъединяли всех абонентов. Транспорт везде останавливался. В нормальном течении жизни возникала пауза. Когда началась Вторая мировая война, такие остановки стали затрагивать военное производство и пошли вразрез с национальными интересами. Поэтому две минуты молчания перенесли на

ближайшее к 11 ноября воскресенье. Но в 1919-1938 гг. оно соблюдалось везде и служило моментом саморефлексии нации. «Мнение масс» (Mass Observation) – одна из первых организаций, занимавшихся социологическими исследованиями, – опросила сотни британцев, о чем они думают во время этого молчания. Люди отвечали, что думают не о нации или военной победе, но о тех, кто не вернулся из войны. Молчание стало медиатором отсутствия. И в таком качестве оно из политического инструмента стало частью семейной истории. Семейные воспоминания оказывались включены в широкие социальные и политические рамки. Именно это пересечение публичного и частного, макро- и микроисторического придало памяти такое огромное значение и многообразие форм. Однако сложность данного процесса исключает тотальную привязку воспоминаний к определенным местам памяти [3].

Кроме того, некоторые сооружения могут становиться местами памяти неофициально. Кинотеатр, где рабочие организовали забастовку; школа, где люди нашли убежище после стихийного бедствия, могут стать для них важными мемориальными топосами. Если люди действуют по своей собственной инициативе, официальное признание им не требуется.

2. Воспоминания как бизнес

Однако неофициальные места памяти надо еще сохранить, для этого нужны деньги, затраты сил и времени. И это важная особенность – они стоят времени и денег. Они требуют специального обслуживания – ландшафтных работ, уборки, ремонта, модернизации и т.д., то есть финансирования. В истории можно проследить два вида расходов на места памяти: первоначальный крупный взнос и периодические платежи.

Необходимо купить землю; разработать и создать некую символическую форму, фокусирующую воспоминания. Это требует от социума существенных вложений. <...> Если это национальные проекты, их создание идет на глазах публики. Ведущие деятели искусств и эксперты обязаны высказать свое мнение. «Правила вкуса» и все «внешние приличия» должны быть соблюдены. Профессиональные интересы и споры официально регулируются. Однако если речь идет о локальных проектах, степень публичности тех же споров часто оказывается ниже. Местные власти часто берут их финансирование под свой контроль и могут менять первоначальные планы, исходя из собственных интересов и не очень считаясь с общественным мнением.

Чаще всего государственное финансирование покрывает лишь часть расходов на создание мест памяти. Общественные пожертвования не менее важны, особенно в протестантских странах, где мемориалы считаются «полезными». В католических странах их прагматическое значение вызывает сомнения – здесь символический и утилитарный язык исключают друг друга. Однако протестантская линия в целом преобладает. В ее рамках коммеморативные проекты приобретают множество форм, от сакральных до полностью светских: в Великобритании существуют мемориальные палаты в больницах, стипендии и кафедры в университетах, мемориальные поля для крикета и поилки для лошадей. В США и Австралии есть мемориальные магистрали. Для простых людей все эти формы коммеморации затрагивают прагматические вопросы. Государство предоставляет субсидии и дотации, но большая часть расходов на эти объекты идет из карманов обычных граждан. То же самое происходит в Великобритании, где очень широко распространена такая форма коммеморации как торговля бумажными макаками – символами потерянного поколения первой мировой войны. Их носят на лацкане пиджака, а доход от торговли идет ветеранам, инвалидам и членам их семей.

Текущие платежи почти всегда приходятся на налогоплательщиков. Военным кладбищам нужны каменотесы и садовники. Имперская (британская) комиссия военных захоронений заботится о сотнях таких кладбищ по всему миру. Их содержание идет из государственного бюджета. В Германии же военные кладбища поддерживаются за счет благотворительных организаций, преимущественно христианских. Старые статуи, захоронения или дороги требуют общественного внимания и обеспечения.

Значительных усилий требует и привлечение публики к конкретным местам памяти и коммеморативным практикам. Кто-то просто живет по соседству. В Великобритании и

Франции военные мемориалы есть в каждом городе, в каждой деревне – именно здесь ежегодно проходит День Перемирия. Во всех европейских соборах есть мемориальные плиты в память о погибших на войне. В Израиле появились отдельные молитвы за жертв нацистских преступлений во Второй мировой войне, а также за тех, кто погиб на армейской службе.

Локальные места памяти требуют, чтобы люди могли приехать к ним. Учитывая масштабы потерь в мировых войнах и огромное количество военных захоронений по всему миру, бизнес памяти рассчитывает также на международные поездки. Из паломничества они постепенно превращаются в туризм [6]. Они всегда предполагают работу гидов, расходы на билеты, гостиницы, цветы и сувениры. Для того, чтобы рассказать больше историй паломникам, которые хотят их услышать, появляются музеи. Весь этот процесс предполагает обмен не только нарративами и памятными символами, но и деньгами.

Подобное смешение сакрального и профанного появилось не на пустом месте. По сути, это секулярная форма паломничества, которое в средние века миллионы людей совершали в Сантьяго-де-Компостелла в Испании – место упокоения мощей одного из первых апостолов [св. Иакова]. Паломничество к военным мемориалам позволяет памяти преодолевать очень большие расстояния. Где заканчивается паломничество и начинается туризм? Трудно ответить на этот вопрос, но в любом случае бизнес коммеморации – это всего лишь бизнес.

3. Эстетика искупления

Существование мест памяти связано не только с политическими и экономическими задачами. Для них очень важна художественная форма – проект, композиция, символические интерпретации. Эта сфера может быть рассмотрена на двух уровнях – эстетическом и семиотическом, которые, конечно же, неразрывно взаимосвязаны.

Некоторые формы национальной памяти весьма специфичны. Другие распространены в разных странах. Образ Марианны является важным национальным символом во Франции, но не встречается в Германии или Великобритании. Немецкий железный крест на надгробиях обозначает и конкретную локацию, и специфическую традицию памяти. Замки и леса героев немецкой истории отсылают к тевтонскому прошлому.

Временами символические ряды разных (иногда даже соперничающих) стран накладываются друг на друга. После первой мировой и первой индустриальной войны многие практики коммеморации вернулись к использованию средневековых форм и знаков. По всей Европе революционные изменения характера военных действий сопровождалось возвращением к символике прошлого. Образы средневековых героев и крестоносцев отсылали ко времени, когда битвы велись между отдельными людьми, а не безличными машинами, уничтожающими человеческие тела. Война в воздухе приняла романтическую форму рыцарских поединков. Медиевализм процветал как среди победителей, так и среди проигравших. Мы можем разглядеть его следы в витражах многих церквей, которые становились местами памяти о мировых войнах XX в. Так, войны новейшего времени заимствовали грамматику сакрального, вписывая свою память в прежние сакральные места.

До самого конца XX в. на военных мемориалах сохраняются человеческие фигуры. Иногда это классические образы мужской красоты, которые теперь символизируют «потерянное поколение»; иногда – скорее стоические фигуры в антитриумфалистских позах. Чаще всего горечь от невозможных потерь преобладает над риторикой победы. Традиционные христианские мотивы заполняют этот эстетический ландшафт. Фигура скорбящей матери (Stabat Mater) включает женщину в локальную и национальную символику траура.

В протестантских странах эстетические дискуссии принимают квазирелигиозный характер. Кресты на военных мемориалах задевают некоторых верующих, по мнению которых реформация XVI в. исключала такие «католические» нотации. Для них обелиски более предпочтительны как в символическом, так и в денежном отношении. Во Франции военные мемориалы по закону создаются только на общественной (а не церковной) земле,

хотя многие местные сообщества находят способы обойти этот запрет. То же самое касается школ и университетов: некоторые памятники здесь расположены в часовнях, другие – в полусакральном пространстве недалеко от них, третьи – в абсолютно светском пространстве. Списки погибших на войне появляются на городских улицах, на железнодорожных станциях и т.д. Расположение неразрывно связано с их смыслом.

Потери в войнах XX в. затронули все слои населения. Прежние армии состояли из наемников, добровольцев и профессионалов. После 1914 г. на войну пошел каждый (Everyman). Соответственно, в социальном отношении военные потери изменились. В Великобритании, Франции и Германии буквально каждая семья потеряла кого-то – отца, сына, брата, племянника, друга. Тяжести окопной войны на западном фронте привели к тому, что около половины родственников погибших не знали, где они похоронены. Поэтому на первом месте в коммеморации оказались имена. Лишь имена остались от павших – именно они выбивались на камне или гравировались на табличках, оказывались в фокусе публичной коммеморации как на локальном, так и на национальном уровне.

Места памяти сохраняли имена тех, кто ушел. Иногда, в частности в Австралии, военные мемориалы включали списки всех, кто служил. Такие списки становились живым укором тем, кто проходил мимо и чьи фамилии не могли быть сюда вписаны. Впрочем, особую значимость имели все же имена павших, и здесь алфавитный порядок стал преобладать над социальной иерархией. Абсолютное большинство военных мемориалов содержат именно такие списки. Незначительная часть – располагает погибших по званиям или по дате гибели. И все же мемориалы создаются для выживших и семей, потерявших своих близких. Им нужен простой доступ к этим именам – единственному, что осталось от погибших.

Такая практика поминовения определяла формы коммеморации и после второй мировой войны. Начиная с 1945 г. имена павших часто стали добавлять к спискам первой мировой. Отчасти это было связано с признанием принципиальной связи двух мировых войн, отчасти – с вопросом экономии. После войны во Вьетнаме данная традиция все еще сохранялась, и мемориал Майи Лин в Вашингтоне очень напоминает мемориалы первой мировой войны, особенно созданный в 1932 г. Эдвардом Лаченсом мемориал погибшим на Сомме в Типвале.

Однако в конце XX в. эстетический вкус и пристрастия искусствоведов сильно изменились, так что коммеморативные формы стали более абстрактными. Памятники и экспозиции все чаще стараются избегать национальной символики и распространенного ранее внимания к человеческим фигурам. Исключением из правила можно считать советское коммеморативное искусство, в котором сохранялся героический романтизм (особенно в отношении Великой Отечественной войны). В западноевропейском же искусстве отсутствие и пустота сменили классические, религиозные или романтические репрезентации.

Это особенно явно касается памяти о Холокосте. Здесь места памяти (концентрационные лагеря и гетто) не могут рассматриваться так же, как мемориалы павшим в мировых войнах [14]. Во-первых, христианские образы не очень подходят для репрезентации уничтожения евреев. Во-вторых, иудаизм сопротивляется предметно-изобразительному искусству, запрещенному в рамках его ортодоксальной традиции. В-третьих, принципиально важно отсутствие смысла в гибели миллионов жертв. Их смерть ничего не значила, поэтому и Холокосту трудно придать какое-то определенное значение.

Репрезентировать нулевое значение, ничто, очень трудно. Ряд художников создают инсталляции, которые буквально проходят через зрителей и исчезают. Другие проецируют фотографии руин на фасады восстановленных зданий, которые были изъяты у евреев. Третьи пытаются использовать постмодернистские формы для передачи дезориентации, ощущения неполноты и пустоты. Примером здесь может служить здание, построенное Даниэлем Либескиндом для Берлинского исторического музея. Оно напоминает разломленную звезду Давида или молнию, застывшую в стекле и камне. Какие бы метафоры мы ни выбрали, это всегда тревожные и нелинейные репрезентации нерепрезентируемого.

Начиная с 1970-х гг., память о второй мировой войне в эстетическом, социальном и политическом плане оказалась переплетена с памятью о Холокосте. Практики коммеморации первой мировой в этом контексте стали приобретать новый смысл. Многие памятники уже содержали имплицитно предостережение «Never again». Но оно не было услышано в первые двадцать лет. Поэтому после второй мировой поиск смысла стал гораздо более сложным. И тот факт, что в 1939-1945 гг. погибло больше гражданских, чем солдат, еще больше усложнил задачи репрезентации для искусства.

Наконец, взаимосвязь второй мировой войны с геноцидом и использованием ядерного оружия бросала вызов способности (какого-либо) искусства выразить чувство утраты. Мы уже отмечали, насколько Аушвиц поставил под сомнение прежние конвенциональные смыслы, хотя многие еще пытались к ним вернуться. То же самое касается Хиросимы и Нагасаки. Места памяти нужны людям, чтобы поддерживать веру в осмысленность истории. Тогда какой монумент подойдет для людей, которые вообще не видят смысла в недавних событиях? Игнорировать Аушвиц или Хиросиму невозможно, но включить их в рамки предшествующих практик коммеморации крайне сложно и даже абсурдно.

4. Ритуал

Публичная коммеморация определяется словами и действиями тех, кто посещает места памяти, возвращается к тем или иным аспектам своего прошлого. Чаще всего это не просто рефлексия о каком-то тексте или созданном политиками ради укрепления собственной власти сценарии. Память неизбежно пересекается с политическими конфликтами, но ее нельзя редуцировать к отношениям власти.

В истории можно проследить как минимум три этапа формирования публичной памяти. О первом – конструировании коммеморативных форм – мы уже говорили. Но существуют еще два уровня, которые требуют внимания. Это включение ритуалов в календарь и рутинизация памяти; а затем – их угасание или исчезновение.

Один пример хорошо иллюстрирует подобную траекторию. 1 июля 1916 г. в Великобритании не стал национальным праздником, но он устойчиво ассоциируется с началом наступления на Сомме. В этот день британская армия понесла самые большие потери в своей истории, и ее комплектование добровольцами сразу же оказалось под вопросом. До сих пор на поля сражений приходят люди, которым не нужно разрешение законодателей, чтобы отметить этот день. Существуют специфические локальные ритуалы. Из графства Нортумберленд люди приезжают сюда со своими волынками и отмечают момент начала битвы в огромной воронке – на земле, которую они выкупили, чтобы ее не распахали, стерев тем самым память о войне. Жители Ньюфаундленда приезжают в местечко Бомон-Амель, где до сих пор видны траншеи, в которых 1 июля 1916 г. погибли их предки. Здесь поставили бронзового канадского оленя, чтобы связать это место с родным пространством, откуда приехали добровольцы. Во Франции 11 ноября считается национальным праздником, а в Великобритании – нет. Здесь власти лишь согласовывают активность снизу, на локальном уровне. С 1939 г. поминовение погибших в первой мировой войне происходит в ближайшее к 11 ноября воскресенье. Принципиально важно, что именно церкви становятся местами памяти. Ритуалы протестантов приручили память о войне, притупили ее эффект. И сегодня растет движение за перемещение этой памяти в центр общественной жизни.

Публичные воспоминания принципиально важны для гражданского общества. Диктаторские режимы действуют иначе. Например, в сталинской России гражданское общество было разгромлено, так что не могло поддерживать независимые от партии и государства коммеморативные практики [8]. Однако иногда локальные объединения выживают даже при диктатуре. Огромную роль играют также семейные рамки. Коммеморативные ритуалы сохраняются, когда они вписаны в ритмы жизни сообщества и семьи. Они поддерживаются там, где есть пересечение национальной и семейной истории. Большинство их участников приносят с собой память о своих близких, которых затронули крупные исторические события. Именно это подталкивает людей, появившихся на свет

многие годы спустя после войн и революций, помнить о них как о значимой части собственной жизни. Дети, родившиеся в конце первой мировой войны, спустя 60-70 лет, рассказывают истории своей семьи, воспитывая внуков. Эта передача детских воспоминаний через 2 или 3 поколения дает семейным историям силу, которая периодически преобразуется в деятельность – участие в ритуалах поминовения [13].

Иногда сам дом становится местом памяти. Знаменитая немецкая художница и скульптор Кете Кольвиц как святыню сохранила комнату своего погибшего сына, какой она была на момент его отправки добровольцем на фронт в 1914 г. В Париже действует проект, который позволяет повесить над каждой квартирной дверью табличку с именем солдата, ушедшего отсюда на фронт и погибшего в Великой войне. Это и их дом.

Семейные рамки принципиально важны для публичных воспоминаний. Они помогают нам понять, почему некоторые формы коммеморации со временем меняются или исчезают. Когда связь между жизнью семьи и публичной памятью дает трещину, рушится главная опора воспоминаний. После этого воспоминания неизбежно атрофируются и уходят. Привлечение публичного внимания может укрепить ритуалы. Но если за этим не стоят мириады микросоциальных связей, которые прежде его поддерживали, то смысл событий прошлого выхолащивается.

В этот момент места памяти и практики коммеморации могут сменить владельцев. Старый памятник может использоваться для новых целей. Но чаще всего мемориалы проходят свой жизненный цикл и, подобно всем нам, постепенно исчезают.

Места памяти естественным образом появляются в связи с интересами социальных групп, связывающих свое существование с важными событиями прошлого. Когда эти связи истончаются, тают и потребности в прежних коммеморативных практиках. Тогда коллективная память уходит, а мемориалы распадаются или растворяются в окружающем ландшафте. Например, национальный военный мемориал в Дублине, созданный по проекту Эдвина Лаченса, на десятилетия зарос травой. Никто не знал, что это такое. В историю Ирландии после 1918 г. трудно было вписать добровольную гибель 100 000 ирландцев за английского короля. Но спад напряженности и насилия в англо-ирландских отношениях в конце XX в. привел к тому, что траву скосили, и монумент вновь появился (почти ниоткуда). Таким образом, места памяти исчезают, но они могут и возрождаться вновь. Временами это происходит с трудом. Годы я спрашивал своих студентов в Кембридже, что они видят на первом перекрестке по дороге от железнодорожного вокзала к центру. Большинство из них отвечало: «Ничего». Они просто не видели городского военного мемориала – победившего солдата, шагающего домой – прямо у первого светофора. Его не замечали, потому что он не имел для ребят никакого значения. Это был лишь «белый шум» в камне. Чтобы его увидеть, им нужно было на него указать, привлечь их внимание к практикам коммеморации вокруг этого мемориала. Без этих усилий места памяти растворятся в воздухе, даже если физически они останутся на том же самом месте.

Итак, мы пришли к несколько идеалистическим выводам. Публичная коммеморация одновременно непреодолима и неустойчива. Конструирование мест памяти – это универсальное социальное действие, впрочем, всегда связанное с локальными группами, создающими и поддерживающими их. Снова и снова они собираются на определенном месте в поисках смысла событий прошлого, пытаются состыковать их с актуальной повседневностью. Эти ассоциации и связи со временем неизбежно распадутся, их сменят другие формы и другие истории. Настанет момент, когда типичная для мест памяти траектория – создание, институционализация и распад – подойдет к своему концу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. Vol. 65. P. 125-133.
2. Gregory A. *The Silence of Memory*. Leamington Spa: Berg, 1994.
3. Hayden D. *The Power of Place*. Cambridge: MIT Press, 1992.

4. Hobsbawm E., Ranger T. eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge UP, 1986.
5. Inglis K. *World War One Memorials in Australia // Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1992. Vol. 167. P. 51-58.
6. Lloyd D.W. *Battlefield Tourism: Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Britain, Australia, and Canada, 1919-1939*. Oxford: Berg, 1998.
7. MacKenzie J. ed. *Imperialism and Popular Culture*. Manchester: Manchester UP, 1986.
8. Merridale C. *War, Death and Remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 61-83.
9. Meyer E. *Memory and Politics // Cultural Memory Studies / Ed. by A. Erll, A. Nunning*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. P. 173-180.
10. Nora P. ed. *Les lieux de memoire*. 3 vols. Paris: Gallimard, 1984-1992.
11. Prost A. *The Algerian War in French Collective Memory // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. Jay Winter and Emmanuel Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 161-176.
12. Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge UP, 1999.
13. Winter J., Sivan E. *Setting the Framework // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. Jay Winter and Emmanuel Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 1-40.
14. Joung J.E. *The Texture of Memory: Holocaust memorials in History // Cultural Memory Studies / Ed. by A. Erll, A. Nunning*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. P. 357-366.

REFERENCES

15. Assmann J. *CollectiveMemory and Cultural Identity // New German Critique*. 1995. Vol. 65. P. 125-133.
16. Gregory A. *The Silence of Memory*. Leamington Spa: Berg, 1994.
17. Hayden D. *The Power of Place*. Cambridge: MIT Press, 1992.
18. Hobsbawm E., Ranger T. eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge UP, 1986.
19. Inglis K. *World War One Memorials in Australia // Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1992. Vol. 167. P. 51-58.
20. Lloyd D.W. *Battlefield Tourism: Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Britain, Australia, and Canada, 1919-1939*. Oxford: Berg, 1998.
21. MacKenzie J. ed. *Imperialism and Popular Culture*. Manchester: Manchester UP, 1986.
22. Merridale C. *War, Death and Remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. J. Winter, E. Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 61-83.
23. Meyer E. *Memory and Politics // Cultural Memory Studies / Ed. by A. Erll, A. Nunning*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. P. 173-180.
24. Nora P. ed. *Les lieux de memoire*. 3 vols. Paris: Gallimard, 1984-1992.
25. Prost A. *The Algerian War in French Collective Memory // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. Jay Winter and Emmanuel Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 161-176.
26. Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge UP, 1999.
27. Winter J., Sivan E. *Setting the Framework // War and Remembrance in the Twentieth Century*. Eds. Jay Winter and Emmanuel Sivan. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 1-40.
28. Joung J.E. *The Texture of Memory: Holocaust memorials in History // Cultural Memory Studies / Ed. by A. Erll, A. Nunning*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. P. 357-366.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джей Уинтер – профессор истории Йельского университета, Коннектикут, США, e-mail: jay.winter@yale.edu

Николай Федор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: fvnik@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Jay Winter - Professor of History at Yale University, Connecticut, USA, e-mail: jay.winter@yale.edu

Nicolai Fyodor Vladimirovich- PhD in History of the Department of General History and Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhni Novgorod, Russian Federation, e-mail: fvnik@list.ru